

Оригинальная статья

УДК 343.9.01

Традиционные и современные криминологические теории и криминологическая безопасность в XX веке

Екатерина Николаевна Рахманова

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

(Санкт-Петербург, Россия)

ekaterina.rachmanova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4602-4676**Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются не утратившие своей актуальности классические, а также современные криминологические теории и их влияние на решение проблем противодействия преступности и обеспечение безопасности в обществе. Но если классические криминологические теории в основном акцентировали внимание на объяснении причин преступного поведения, то современные теории, например, теории развития и жизненного цикла, пространственного распределения преступности и др., опираются на междисциплинарные исследования с учетом современных социальных контекстов и связанных с ними проблем безопасности. **Методы исследования.** В работе применялись общенаучные методы, такие как сравнение, анализ, синтез, и дедуктивный методы, позволившие сформулировать некоторые общие выводы. **Заключение.** За многие десятилетия изучение преступности и ее причин серьезно эволюционировало, выйдя за рамки уголовного права и изучения факторов, способствующих преступному поведению. Результаты исследования показывают, что синергетический подход, объединяющий идеи традиционных и современных криминологических теорий, имеет большое значение для разработки эффективных мер безопасности в быстро меняющемся мире. Междисциплинарное взаимодействие с иными науками становится краеугольным камнем современной криминологии, что является необходимым условием создания эффективных программ обеспечения безопасности в обществе и государстве.

Ключевые слова

безопасность, девиантное поведение, классические теории, криминология, междисциплинарность, преступность, современные технологии

Для цитирования: Рахманова, Е. Н. (2025). Традиционные и современные криминологические теории и криминологическая безопасность в XX веке. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 519–530.

Original paper

Traditional and contemporary criminological theories and criminological security in the 20th century

Ekaterina N. Rakhmanova

North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

(Saint Petersburg, Russia)

ekaterina.rachmanova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8851-5313

Abstract

Introduction. The article deals with classical and contemporary criminological theories considered to be still relevant, as well as their influence on solving problems of crime prevention and ensuring security in society. However, while classical criminological theories mainly focused on explaining the causes of criminal behavior, contemporary theories, such as theories of development and life cycle, spatial distribution of crime, etc., are based on interdisciplinary research taking into account present-day social contexts and their related security issues. **Research methods.** The research is based on general scientific methods, such as comparison, analysis, synthesis, as well as deductive methods, making it possible to formulate some general conclusions. **Conclusion.** Over many decades, the study of crime and its causes has significantly evolved, extending beyond criminal law and the examination of factors contributing to criminal behavior. The research findings reveal that a synergistic approach, integrating ideas of both traditional and contemporary criminological theories, is crucial for developing effective security measures in a fast changing world. Interdisciplinary interaction with other sciences is becoming the cornerstone of contemporary criminology, being essential for developing effective programmes for providing the state and community safety.

Keywords

safety, deviant behavior, classical theories, criminology, interdisciplinarity, crime, modern technologies

For citation: Rakhmanova, E. N. (2025). Traditional and contemporary criminological theories and criminological security in the 20th century. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 519–530.

Введение

В течение длительного времени криминологическая наука сосредоточивалась преимущественно на анализе причин преступности, характеристик личности правонарушителей и разработке стратегий предупреждения преступности. Однако усложнение современной жизни, проявляющееся в росте киберпреступности, транснациональной организованной преступности и терроризма, предъявляет новые вызовы к теоретическим и эмпирическим исследованиям в данной области. Традиционные криминологические подходы, основанные на узкоспециализированных дисциплинарных знаниях, уже не способны обеспечить всестороннее понимание современных форм преступности и разработку адекватных мер реагирования. В связи с этим возникает необходимость перехода к междисциплинарному подходу, который интегрирует уголовное право и криминологию с социологией, психологией, а также с такими областями знания, как информатика, экономика, политология, кибербезопасность и др. Такой комплексный подход позволяет сформировать более целостное и многомерное представление о сложной природе современной преступности, а также об угрозах безопасности как для личности, так и для общества и государства в целом.

Описание исследования

Криминология XIX и XX столетий, в значительной степени сформированная под воздействием позитивизма, рассматривала проблемы безопасности личности, общества и государства через призму изучения личности преступника, причин преступности и разработки мер ее предупреждения. Этот подход, доминирующий на протяжении многих десятилетий, в значительной степени был направлен на понимание преступного поведения как продукта индивидуальной патологии, социальной дезорганизации и структурного неравенства.

В числе первых криминологических исследований следует вспомнить работы Чезаре Ломброзо и его последователей, которые пытались определить физические, психологические и биологические характеристики личности, отличающие преступников от не преступников.

Теория Ч. Ломброзо утверждала, что преступность – это наследуемая атактистическая черта, проявляющаяся в определенных физических характеристиках, «стигматах». В работе «Преступный человек», впервые опубликованной в 1876 г., он предположил, что существует особый биологический класс людей, проявляющих атактистические, или примитивные, черты, и потому склонных к преступности (Ломброзо, 2005). Ломброзо применял метод антропометрических измерений, согласно которому по внешнему виду человека – форме лица, черепа, расположению глаз и т. д. – можно было определить его преступные помыслы. Сопоставляя физические особенности организма преступников и законопослушных граждан, он выработал критерии для определения преступника, а также пришел к выводу, что индивиды со сходным типом внешних характеристик совершают одинаковые преступления.

Работы Ч. Ломброзо актуальны до сих пор. Они положены в основу многих криминологических биосоциальных теорий. Достаточно вспомнить морфологическую теорию темперамента Э. Кречмера, согласно которой тип темперамента зависит от конституциональных особенностей телосложения человека. Кроме того, теория Ломброзо спровоцировала интерес к систематическим методам идентификации, что способствовало развитию дактилоскопии, фотографии и других криминалистических методов, используемых сегодня правоохранительными органами. Что же касается проблем безопасности, основное значение теории заключалось в предположении, что идентификация внешних характеристик личности может помочь предсказать преступное поведение.

Очевидно, что подход Ломброзо к изучению преступников был прост по сравнению с современными методами изучения личности преступника, но именно он заложил основу концепции профилирования, получившую столь широкое распространение, особенно в последние годы (Карпов, 2017).

Недавние исследования в области поведенческой генетики и нейронауки вновь вызвали интерес ученых к идеям Ч. Ломброзо. Все больше специалистов привлекает такая область исследований, как нейроправо, изучающая влияние нейронауки на уголовную ответственность (Алферова, 2023). Ее представители пытаются количественно оценить биологические, психологические и социологические факторы, формирующие людей, и на их основе разрабатывать программы ранней профилактики, а также подходы к лечению преступников и поддержке жертв преступлений (Bedoya & Portnoy, 2022).

Это направление тесно связано с развитием искусственного интеллекта (ИИ) и его применением в сфере уголовного правосудия. Предиктивные алгоритмы используются, в частности, для прогнозирования того, где и кто с наибольшей вероятностью может совершить насильственное преступление или совершит повторное преступление в будущем. Например, в США с этой целью разработана программа COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions – профилирование правонарушителей для применения альтернативных исправительных мер). Однако позже исследования установили, что программа оказалась предвзятой по отношению к обвиняемым-афроамериканцам, отнеся их к лицам, более склонным к повторному совершению преступлений, в то время как это не всегда соответствовало действительности. Анализ других девяти различных алгоритмических подходов к прогнозированию рецидивизма также показал, что восемь из девяти (включая COMPAS) не смогли дать точные прогнозы (Angwin et al., 2022). В результате было признано, что «широко используемое коммерческое программное обеспечение для оценки рисков COMPAS не более точное или справедливое, чем прогнозы, сделанные людьми с небольшим или нулевым опытом в области уголовного правосудия» (Dressel & Farid, 2018).

Криминальная антропология Ч. Ломброзо является историческим примером того, как несовершенные криминологические теории продолжают оказывать влияние на развитие

современной науки и практики предупреждения преступности. Несмотря на общепринятое отрицание идеи «преступной личности», ее воздействие можно увидеть в современных дискуссиях об алгоритмической предвзятости, криминальном профилировании и в применяемых правоохранительными органами технологиях для обеспечения безопасности.

В отличие от последователей идей Ломброзо Чикагская школа криминологии, возникшая в начале XX столетия, сконцентрировала внимание на влиянии факторов окружающей среды на формирование преступного поведения. Выйдя за рамки детерминистских теорий, Чикагская школа изучала взаимосвязь городской экологии и преступности (Гилинский, 2009). Хотя теория социальной дезорганизации касалась в основном объяснения уровня преступности в отдельных районах, она также применялась и для объяснения виктимизации, подростковой делинквентности и т. п. Спорная в своей первоначальной формулировке, теория социальной дезорганизации постепенно превратилась в одну из наиболее популярных криминологических теорий, воздействуя на формирование современного понимания предупреждения преступности и разработку стратегий безопасности общества (Николаев, 2003).

Теория социального напряжения социолога Роберта Мертон также входит в число наиболее популярных в криминологии, несмотря на то что была разработана в контексте «американской мечты» в конце 1930-х–начале 1940-х гг. В одной из наиболее часто цитирувавшихся работ XX века «Социальная структура и аномия» (1938) Р. Мертон писал, что некоторые социальные структуры оказывают определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, соответствующего с общепринятыми правилами (Мертон, 2006). Он полагал, что основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на которые общество нацеливает людей, и возможностями их достижения, придерживаясь установленных правил. Это противоречие приводит к тому, что человек, не сумевший, соблюдая правила, получить ожидаемые ценности, начинает их отрицать и стремится достичь желаемого любой ценой.

В результате это приводит к тому, что люди, особенно из низших социально-экономических слоев, не имеющие доступа к образованию, занятости и т. п., испытывают напряжение, которое может привести к конформизму, инновациям (принятие незаконных средств), ритуализму (отказ от целей, но следование средствам), ретритизму (отказ от целей и средств) и мятежу (замена существующих целей и средств) (Мертон, 2006). Но если конформизм является нормой, то последние четыре представляют собой девиантные ответы на аномические условия. Именно инновация, ретритизм как отказ от законных средств особенно важны сегодня для понимания, например, таких явлений, как терроризм. Отдельные лица или группы лиц могут воспринимать существующие пути достижения общественных целей, таких как политическое участие или экономическое развитие, как заблокированные или неэффективные, что приводит к тому, что они прибегают к нетрадиционным и порой насильственным методам, рассматривая терроризм как стратегию достижения желаемых ими результатов.

Социальная девиация, о которой пишет Мертон, является маркером современного общества. Не случайно в криминологической литературе термины «борьба», «предупреждение», «противодействие» и т. п. используются применительно к преступности и другим формам социальной девиации. Более того, законодатель постоянно сталкивается с необходимостью решить сложную дилемму: криминализовать или декриминализовать те или иные деяния. На конкретном уровне это имеет еще более прагматическое измерение, поскольку само по себе уголовное законодательство не может ограничить социальную девиацию, не говоря о том, что в ряде случаев уголовный закон является ее источником. В таких случаях, по мнению Р. Мертона, право не может предотвратить более крупный конфликт, который становится вторичным источником изменений, а это, в свою очередь, порождает новые отношения и необходимость

нового правового регулирования. Но законодатель может повлиять на процесс предупреждения преступности, либо установив правильный баланс между криминализацией и декриминализацией, либо разумно определив санкции за преступления.

Теория напряжения не утрачивает своей актуальности и сегодня, чему способствуют несколько факторов: во-первых, в отличие от теорий, которые фокусируются исключительно на индивидуальных характеристиках личности преступников, она признает социальные причины преступности, подчеркивая их значение в формировании девиантного поведения. Во-вторых, первоначально сосредоточенная на экономической преступности, теория объясняет и другие формы девиации, включая насильственные и даже политические преступления, утверждая, что разочарование и гнев, возникающие из-за депривации, могут в зависимости от индивидуальных и ситуативных факторов проявляться по-разному; в-третьих, теория напряжения постоянно развивается, реагируя таким образом на происходящие изменения в обществе.

Так, Роберт Агню расширил понимание напряжения, указав, что «три основных типа напряжения (негативных отношений с другими) возникают, когда другие (1) мешают или угрожают мешать индивиду достичь позитивно оцениваемых целей, (2) устраняют или угрожают устранить позитивно оцениваемые стимулы индивида (например – утрата близкого человека), (3) предоставляют или угрожают предоставить индивиду вредные или негативно оцениваемые стимулы (случаи виктимизации, стрессовые события)» (Гилинский, 2009). Иначе говоря, Р. Агню вместо того чтобы определить напряжение как разницу между финансовыми целями и законными средствами для достижения этих целей, признал, что напряжение вызвано разницей между стремлениями человека к любой цели и средствами достижения этой цели (Agnew, 1992).

В настоящее время, исследуя разнообразные формы напряжений и учитывая роль закона и социального контроля, теория напряжения позволяет разрабатывать в том числе стратегии безопасности общества (Расторгуев, 2018). С позиций теории напряжения криминологи изучают кибербуллинг (Yildiz & Saritepeci, 2020), экстремизм (Skoczylis & Andrews, 2022), виктимизацию несовершеннолетних (Grubb & Posick, 2018) и др.

Теория социального сдерживания, или теория связей, разработанная Трэвисом Хирши в 1969 г., остается актуальной для понимания и решения проблем общественной безопасности и сегодня. По его мнению, преступления совершаются в силу ослабления социальных связей. Противостоять этому могут помочь привязанность, обязательства, вовлеченность, вера (или убеждения) или то, что определяется как социальное сдерживание, которое связывает индивида как в начале, так и на протяжении всей его жизни с социальными группами и институтами и, наконец, с общепринятым общественным порядком. Иначе говоря, именно привязанность к людям, придерживающимся общепринятых социальных норм, является препятствием на пути делинквентного поведения.

Важно упомянуть, что некоторые ученые считают, что Хирши упрощает сложные факторы, способствующие преступности, и пренебрегает ролью структурного неравенства и динамики власти. Тем не менее сохраняющаяся актуальность заключается в акценте на важности социальных связей и совместного участия в содействии безопасному обществу.

Впервые термин «социальный контроль» использован Э. Россом (1866–1951). Теория контроля рассматривает девиантное поведение как результат нарушения социального контроля. Ее значение обусловлено предпосылкой, что конформизм, а не девиация, является состоянием человека по умолчанию, и что преступность возникает из-за ослабления или разрыва социальных связей, к которым относятся привязанность, приверженность, вовлеченность и убеждение, удерживающие людей от участия в противоправном поведении (Готтфредсон,

Хирши, 2014). В отличие от Р. Мертонa представители теории социального контроля полагали, что приверженность долгосрочным образовательным или профессиональным целям действует как сдерживающий фактор, поскольку успешное достижение этих целей ставится под угрозу из-за нарушения социальных правил.

Теория социального контроля в полной мере совместима с другими теориями причин преступности, такими как теория рационального выбора, теория дифференциальной ассоциации и теория социального научения¹. С точки зрения современной безопасности теории социального контроля и сдерживания предоставляют основу для разработки проактивных и превентивных стратегий снижения преступности. Вместо того чтобы сосредоточиться исключительно на наказании за совершение преступления, они подчеркивают важность укрепления социальных связей, которые в первую очередь сдерживают преступность. Это особенно актуально при решении таких проблем, как молодежная преступность, радикализация в интернете и даже преступления «белых воротничков».

Как видно из краткого анализа традиционной криминологии XX века, нужно признать ее продолжающееся влияние на изучение проблем безопасности общества и создание основ для понимания причин преступности и разработки мер по ее предупреждению. Но классические криминологические теории обычно возникали в рамках одной дисциплины, например, социологии (теория социальной дезорганизации) или психологии (психодинамическая теория), часто игнорируя изучение факторов, находящихся за пределами их предметных границ. При этом социологическая точка зрения упускала из виду роль индивидуальных психологических черт, в то время как исключительно психологический подход мог не учитывать влияние структурного неравенства.

Например, социология при изучении причин насильственной преступности может фокусироваться на бедности, отсутствии образовательных возможностей и неблагоприятной ситуации в конкретном регионе. В свою очередь, психология акцентирует внимание на индивидуальных расстройствах личности, проблемах с самоконтролем и т. д. Но ни социология, ни психология сами по себе не дают полной картины понимания насильственного преступления, поскольку для этого необходим комплексный анализ взаимодействия индивидуальных и социальных факторов, не говоря о том, что данные, полученные в ходе нейробиологических исследований, могут пролить свет на биологические механизмы, лежащие в основе агрессии насильственного преступника. Не случайно поэтому в криминологии сформировались новые подходы к изучению и предупреждению преступности и проблемам безопасности в обществе.

Современная криминология все больше становится междисциплинарной. Причем, междисциплинарность – это не модная тенденция, а фундаментальная необходимость понимания сложного феномена преступности и разработки эффективных стратегий ее предупреждения. Решение современных сложных проблем безопасности невозможно без сотрудничества криминологов со специалистами самых разных областей знаний, таких как компьютерные науки, инженерия, социология, политология, международные отношения и т. д. Междисциплинарный подход позволяет, в частности, понять, как возникают и развиваются угрозы безопасности.

Как показал опрос, проведенный институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, «именно междисциплинарность лидирует в рейтинге значимости трендов развития науки в перспективе до 2030 г. (71 % респондентов), опережая даже цифровизацию исследований и разработок (ИР), оказавшуюся в силу стремительного развития в последние годы в центре внимания ведущих стран, научного сообщества и экспертов

¹ Rakhmanova, E. N. (2020). Zarubezhnye kriminologicheskie teorii i shkoly. V *Sbornike izbrannykh lekcij po kriminologii: uchebnoe posobie* (str. 18–38). Izdatel'stvo «Yurлитinform».

(62 % ответивших)»², причем наиболее высокие ожидания от междисциплинарности показывают представители гуманитарных наук.

В этом смысле интерес представляют криминологические теории развития и жизненного цикла (Laub, Sampson, 2020), объединяющие концепции, стремящиеся объяснить антисоциальное поведение и преступления. Криминология жизненного цикла исследует, как накопленный человеком опыт на протяжении всей его жизни формирует преступные траектории. При этом следует отличать время жизни, или временной интервал от рождения до смерти, от жизненного пути и жизненного цикла. Жизненный цикл – это усвоенная личностью последовательность этапов, представляющих определенный цикл, движение по кругу, в то время как жизненный путь означает структурированную последовательность фаз жизни и событий, характеризующих переходы между фазами (смена статусов). По сути, жизненный цикл представляет собой единство множества автономных линий развития, которые сходятся, расходятся, пересекаются, но не мыслятся отдельно друг от друга. Жизненный путь так же, как и жизненный цикл, состоит из этапов, но это уже не последовательность привязанных к определенным возрастам ролей, а цепочка фаз жизни, которые вместе с опытом приобретают в процессе социализации индивида различное значение и в которых могут содержаться ключевые глубинные причины антисоциального поведения и преступлений (Farrington, Kazemian, & Piquero, 2018).

Жизненный путь в первую очередь касается периодов детства и юности, в частности, исследуются ранние факторы риска, которые создают цепную реакцию, отрицательно влияя на более поздние стадии развития человека (например, ранняя агрессия, приводящая к отвержению сверстниками, затем девиантное общение со сверстниками и в конечном итоге преступность). Раннее выявление проблем позволяет разрабатывать вмешательства для определенной стадии развития и определять ключевые факторы риска.

Жизненный цикл охватывает всю жизнь человека. И для того чтобы понять, как как ранний опыт, биологическая предрасположенность и социальный контекст формируют преступную траекторию индивида на всем протяжении его жизни, исследуются биологические факторы (генетика, нейробиология, гормональные влияния), социально-экономические факторы (бедность), социальные связи (семейные отношения), жизненные события (работа, тюремное заключение), черты личности (психопатия), расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, проблемы с психическим здоровьем, значимые или поворотные моменты в жизни, которые либо способствовали отказу от преступной траектории либо, напротив, усугубляли антисоциальные тенденции.

Понимание этих различий имеет решающее значение для разработки целевых вмешательств и превентивных стратегий. Например, вмешательства, направленные на снижение рецидивизма среди бывших заключенных, часто включают помощь с решением жилищных проблем, профессиональное обучение, лечение от наркомании и т. п.

В то же время необходимо признать наличие некоторых проблем, связанных с применением теорий развития и жизненного цикла. Во-первых, они сложны и ресурсоемки, что затрудняет установление причинно-следственных связей между факторами риска и защиты и преступным поведением. Во-вторых, эффективность вмешательств может варьироваться в зависимости от конкретных характеристик целевой группы населения и контекста, в котором они реализуются. В-третьих, при планировании вмешательств на определенных этапах развития жизни человека, особенно в детстве, могут возникнуть проблемы этического характера, поскольку такие вмешательства порой способствуют стигматизации людей, находящихся в группе риска.

² Китова, Г. А. (2025). *Будущее науки: междисциплинарность*. Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013764486.html>

Но в любом случае теории развития и жизненного цикла играют важную роль в понимании этиологии преступного поведения и разработки эффективных стратегий профилактики преступности. Предпринимая вмешательство на определенных стадиях развития человека и обращаясь к факторам риска, которые способствуют совершению преступлений, они предлагают пути для снижения преступности и улучшения жизненных траекторий лиц, находящихся в группе риска.

Иным направлением современной криминологии является пространственное распределение преступности. Представители данного направления признают, что преступность распределяется неравномерно, она группируется в определенных местах и демонстрирует предсказуемые пространственные связи с другими социальными, экологическими и экономическими факторами.

В основе данного направления лежат следующие положения: а) преступность не является случайным явлением, поскольку на нее влияют базовые факторы, формирующие ее вероятность в определенных местах, называемых «горячими точками». Они могут быть сконцентрированы в разных кварталах городов, на разных улицах и даже в отдельных регионах; б) склонность к совершению преступлений в одном месте часто связана с уровнем преступности в соседних местах. Пространственная корреляция может быть положительной (районы с высоким уровнем преступности, как правило, находятся рядом с районами с высоким уровнем преступности) или отрицательной (районы с высоким уровнем преступности находятся рядом с районом, в котором благодаря эффективной работе полиции низкий уровень преступности); в) пространственное распределение преступности зависит от характеристик окружающей среды (например, плотность застройки, бедность, плотность населения, социальная дезорганизация, присутствие полиции, общественные организации); г) пространственное распределение преступности не статично; оно меняется в ответ на изменения окружающей среды, деятельность полиции и т. п. (Lu, Lee, & Williams, 2019).

Исследования пространственного распределения преступности можно условно разделить на два вида: макроуровень – анализ характеристик пространственного распределения преступности с точки зрения всего региона и установление населенных пунктов с высоким уровнем преступности в регионе; микроуровень – анализ характеристик пространственного распределения преступности в конкретном населенном пункте.

Результаты исследований пространственного распределения преступности используются при картографировании преступности и географического профилирования. Они позволяют полиции выявлять районы с высоким уровнем преступности и более эффективно распределять патрулирование в них, а архитекторам учитывать особенности уличного освещения, возможности естественного наблюдения и т. д. (Разогреева, 2017). Знания о пространственном распределении преступности в населенном пункте могут приниматься во внимание застройщиками и даже лицами, принимающими решения, где им жить или работать.

За последние несколько десятилетий интернет, компьютеры, мобильные телефоны и другие виды современных технологий произвели революцию в нашей жизни. Информационно-коммуникационные технологии используются практически во всех сферах жизни: электронное правительство, электронная коммерция, электронное образование, электронное здравоохранение и электронная среда и т. п. Но интенсивное развитие современного информационного общества сопровождается новыми серьезными угрозами. В научный обиход вошли такие понятия, как «компьютерная преступность», «киберпреступность», «цифровая преступность», «кибербезопасность» и «киберпространство», которые трудно разделить.

Так, серьезные криминологические проблемы порождает технология блокчейна, которая является удобной платформой для совершения преступлений. При этом она же может сыграть

важную роль в профилактике преступности, так как правильное использование присущих технологии характеристик, таких как прозрачность и неизменность, содержит потенциальную возможность отследить собственника криптовалюты с момента ее создания, поскольку технология предполагает регистрацию каждой подобной сделки с последующим внесением отметок в транзакционный блок (цепочку) при помощи последовательного шифрования данных о каждой очередной транзакции. Иначе говоря, активно развивающаяся технология блокчейна обладает особыми свойствами, обеспечивающими безопасность информационной инфраструктуры.

То же можно отнести и к кибербезопасности, которая оказывает влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств, на международное, информационное, уголовное и другие отрасли права, состояние критической информационной инфраструктуры, информационно-коммуникационных технологий, компьютерных сетей и т. п. При этом специалисты в области кибербезопасности сосредоточены на технических средствах защиты компьютерных систем, сетей и данных от несанкционированного доступа, повреждения или кражи, включая разработку и внедрение таких мер, как протоколы безопасности, брандмауэры, системы обнаружения вторжений и другие технологические средства. С криминологической точки зрения исследование проблем кибербезопасности предполагает комплексный подход, включающий разработку и реализацию как технических, так и нетехнических мероприятий, направленных на предотвращение и расследование киберпреступлений. Этот подход охватывает защиту не только аппаратных и программных средств, но и информационных ресурсов, содержащихся в них, включая программное обеспечение и данные, а также учитывает влияние киберпреступлений на личность, общество и государство. Таким образом, криминологический анализ расширяет рамки технических мер, фокусируясь на профилактике, выявлении и пресечении преступных действий в киберпространстве.

На современном академическом рынке исследований киберпреступности по-прежнему наблюдается недостаточное внимание к данной проблеме по сравнению с более развитым направлением – исследованиями в области кибербезопасности. Последние объединяют более сорока пяти различных дисциплин, охватывающих широкий спектр областей знаний – от философии и экономики до гуманитарных наук, здравоохранения, права и технологий (Carley, 2020). Такой междисциплинарный подход подтверждает сложность и многогранность феномена киберпреступности, который не может быть сведен к одной области знания.

В связи с этим в криминологии возникло новое междисциплинарное направление – киберкриминология, объединяющее исследования киберпреступности на стыке компьютерных наук и криминологических теорий (Jaishankar, 2007). Этот подход важен, поскольку киберпреступность – это не просто проявление технологической уязвимости, а сложный социально-криминологический феномен, требующий переосмысления существующих теорий с учетом новых условий цифровой эпохи. Адаптация традиционных криминологических концепций к современным вызовам является ключевым аспектом развития теоретической базы в данной области.

Заключение

Завершая анализ развития современной криминологии, необходимо отметить, что классическая, или традиционная, криминология, сформировавшаяся в прошлые столетия, хотя и вносит значительный вклад в наше понимание преступности, исторически отдавала приоритет уголовно-правовым, социологическим, биологическим или психологическим направлениям. Этот редуccionистский подход, хотя и допускает целенаправленный анализ в названных сферах, но ограничивает нашу способность справляться со сложной и многогранной

природой современной преступности, которая не поддается простой категоризации и нуждается в привлечении экспертов из разных областей знаний.

Вызовы XXI века требуют перехода от традиционных, изолированных подходов к междисциплинарным криминологическим исследованиям. Интеграция идей из различных сфер знаний позволит разработать более эффективные и современные стратегии предупреждения преступности и обеспечения безопасности общества. Будущее криминологии видится в ее способности выйти за рамки дисциплинарных границ и сформировать новые виды сотрудничества, которые смогут учесть сложные реалии преступности и безопасности общества в быстро меняющемся мире.

Список литературы

- Алферова, Е. В. (2023). Нейроправо: достижения в области нейронауки и их применение в криминологии, криминалистике и правосудии. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право*, 2, 206–216.
- Гилинский, Я. И. (2009). *Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*: монография. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс».
- Готтфредсон, М. Р., Хирши, Т. (2014). Общая теория преступности. Глава 1. Классическая теория и понятие преступления. В Э. Л. Панеях, А. М. Кадникова (ред.), *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов* (стр. 283–294). Москва: Статут.
- Карпов, В. О. (2017). Криминологический анализ современного профилирования и его направлений. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 1 (127), 94–97.
- Ломброзо, Ч. (2005). *Преступный человек*: монография (пер. с итал.). Москва: Эксмо.
- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура* (пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.). Москва: АСТ; Хранитель.
- Николаев, В. Г. (2003). Чикагская школа социологии о преступности (вступительная статья В. Г. Николаева). *Личность. Культура. Общество*, 5 (3-4 (17-18)), 189–196.
- Разогреева, А. М. (2017). Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство. *Всероссийский криминологический журнал*, 11 (4), 706–716.
- Расторгуев, С. В. (2018). Экстремизм в молодежной среде современной России: виды, факторы распространения, мягкие технологии. *Политическая наука*, 4, 124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07>
- Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30 (1), 47–87. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x>
- Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., & Kirchner, L. (2022). Machine bias. In K. Martin (Ed.), *Ethics of Data and Analytics* (pp. 254–264). New York: Auerbach Publications.
- Bedoya, A., & Portnoy, J. (2022). Biosocial Criminology: History, Theory, Research Evidence, and Policy. *Victims & Offenders*, 18 (8), 1599–1629. <https://doi.org/10.1080/15564886.2022.2133035>
- Carley, K. (2020). Social Cybersecurity: An Emerging Science. *Computational and Mathematical Organizational Theory*, 26 (4), 365–381.
- Dressel, J., & Farid, H. (2018). The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism. *Science Advances*, 4 (1). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580>
- Farmer, J. F. (2018). Polemics on the Etiology of Juvenile Delinquency: A Review of Some Multiple-Perspective Attacks on Travis Hirschi's Social Bonding Theory. *Issues in Social Science*, 6 (2), 69–89. <https://doi.org/10.5296/iss.v6i2.13746>

- Farrington, D. P., Kazemian, L., & Piquero, A. R. (Eds.) (2018). *The oxford handbook of developmental and life-course criminology*. Oxford University Press, USA. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190201371.001.0001>
- Grubb, J., & Posick, Ch. (2018). Applying Agnew's Integrated Theory of Crime and Delinquency to Victimization Risk: A Contemporaneous and Longitudinal Examination. *Criminal Justice Review*, 43 (3), 289–308. <https://doi.org/10.1177/0734016818756487>
- Jaishankar, K. (2007). Cyber Criminology: Evolving a novel discipline with a new journal. *International Journal of Cyber Criminology*. 1 (1), 1–6. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18276>.
- Laub, J. H., & Sampson, R. J. (2020). Life-Course and Developmental Criminology: Looking Back, Moving Forward—ASC Division of Developmental and Life-Course Criminology Inaugural David P. Farrington Lecture, 2017. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 6 (2), 158–171. <https://doi.org/10.1007/s40865-019-00110-x>
- Lu, W., Lee, G., & Williams, I. (2019). The Spatial and Social Patterning of Property and Violent Crime in Toronto Neighborhoods: A Spatial-Quantitative Approach. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 8 (1), 51. <https://doi.org/10.3390/ijgi8010051>
- Skoczylis, J., & Andrews, S. (2022). Strain theory, resilience, and far-right extremism: the impact of gender, life experiences and the internet. *Critical Studies on Terrorism*, 15 (1), 143–168. <https://doi.org/10.1080/17539153.2022.2031137>
- Yildiz Durak, Y., & Saritepeci, M. (2020). Examination of the Relationship between Cyberbullying and Cyber Victimization. *Journal of Child and Family Studies*, 29 (10), 2905–2915. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01768-4>

References

- Alferova, E. V. (2023). Nejropravo: dostizheniya v oblasti nejronauki i ih primenenie v kriminologii, kriminalistike i pravosudii. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo*, 2, 206–216.
- Gilinskij, Ya. I. (2009). *Kriminologiya. Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol': monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Yuridicheskij centr Press».
- Gottfredson, M. R., Hirshi, T. (2014). Obshchaya teoriya prestupnosti. Glava 1. Klassicheskaya teoriya i ponyatie prestupleniya. V E. L. Paneyah, A. M. Kadnikova (red.), *Pravo i pravoprimenenie v zerkale social'nyh nauk: hrestomatiya sovremennyh tekstov* (str. 283–294). Moscow: Statut.
- Karpov, V. O. (2017). Kriminologicheskij analiz sovremennogo profilirovaniya i ego napravlenij. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (127), 94–97.
- Lombrozo, Ch. (2005). *Prestupnyj chelovek: monografiya* (per. s ital.). Moscow: Eksmo.
- Merton, R. (2006). *Social'naya teoriya i social'naya struktura* (per. s angl. E. N. Egorovoj i dr.). Moscow: AST; Hranitel'.
- Nikolaev, V. G. (2003). Chikagskaya shkola sociologii o prestupnosti (vstupitel'naya stat'ya V. G. Nikolaeva). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 5 (3-4 (17-18)), 189–196.
- Razogreeva, A. M. (2017). Preduprezhdenie prestuplenij pri pomoshchi sredovogo proektirovaniya: zashchishchayushchee prostranstvo i zashchishchennoe prostranstvo. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 11 (4), 706–716.
- Rastorguev, S. V. (2018). Ekstremizm v molodezhnoj srede sovremennoj Rossii: vidy, faktory rasprostraneniya, myagkie tekhnologii. *Politicheskaya nauka*, 4, 124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07>
- Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30 (1), 47–87. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x>
- Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., & Kirchner, L. (2022). Machine bias. In K. Martin (Ed.), *Ethics of Data and Analytics* (pp. 254–264). New York: Auerbach Publications.

- Bedoya, A., & Portnoy, J. (2022). Biosocial Criminology: History, Theory, Research Evidence, and Policy. *Victims & Offenders*, 18 (8), 1599–1629. <https://doi.org/10.1080/15564886.2022.2133035>
- Carley, K. (2020). Social Cybersecurity: An Emerging Science. *Computational and Mathematical Organizational Theory*, 26 (4), 365–381.
- Dressel, J., & Farid, H. (2018). The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism. *Science Advances*, 4 (1). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580>
- Farmer, J. F. (2018). Polemics on the Etiology of Juvenile Delinquency: A Review of Some Multiple-Perspective Attacks on Travis Hirschi's Social Bonding Theory. *Issues in Social Science*, 6 (2), 69–89. <https://doi.org/10.5296/iss.v6i2.13746>
- Farrington, D. P., Kazemian, L., & Piquero, A. R. (Eds.) (2018). *The oxford handbook of developmental and life-course criminology*. Oxford University Press, USA. <https://doi.org/10.1093/oxfordhob/9780190201371.001.0001>
- Grubb, J., & Posick, Ch. (2018). Applying Agnew's Integrated Theory of Crime and Delinquency to Victimization Risk: A Contemporaneous and Longitudinal Examination. *Criminal Justice Review*, 43 (3), 289–308. <https://doi.org/10.1177/0734016818756487>
- Jaishankar, K. (2007). Cyber Criminology: Evolving a novel discipline with a new journal. *International Journal of Cyber Criminology*. 1 (1), 1–6. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18276>
- Laub, J. H., & Sampson, R. J. (2020). Life-Course and Developmental Criminology: Looking Back, Moving Forward—ASC Division of Developmental and Life-Course Criminology Inaugural David P. Farrington Lecture, 2017. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 6 (2), 158–171. <https://doi.org/10.1007/s40865-019-00110-x>
- Lu, W., Lee, G., & Williams, I. (2019). The Spatial and Social Patterning of Property and Violent Crime in Toronto Neighborhoods: A Spatial-Quantitative Approach. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 8 (1), 51. <https://doi.org/10.3390/ijgi8010051>
- Skoczylis, J., & Andrews, S. (2022). Strain theory, resilience, and far-right extremism: the impact of gender, life experiences and the internet. *Critical Studies on Terrorism*, 15 (1), 143–168. <https://doi.org/10.1080/17539153.2022.2031137>
- Yildiz Durak, Y., & Saritepeci, M. (2020). Examination of the Relationship between Cyberbullying and Cyber Victimization. *Journal of Child and Family Studies*, 29 (10), 2905–2915. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01768-4>

Информация об авторе

Екатерина Николаевна Рахманова – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент.

About the author

Ekaterina N. Rakhmanova – Head of the Department of Criminal Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Одобрена после рецензирования 28.08.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted June 03, 2025

Approved after reviewing August 28, 2025

Accepted October 28, 2025